Женя ДЕКИНА

Дюймовочка

Рассказ

Агата всегда стыдилась своих рук. У всех девочек были тонкие запястья и нежные пальчики, а у нее выросли какие-то огромные грабли. И уже в пятом классе бабушкино обручальное кольцо налезало Агате только на мизинец. Агата старалась незаметно спрятать руки за спину, когда стояла у доски, передавала кому-то дневник или компот в столовой. К восьмому классу стало хуже – Агата выросла очень крупная, налилась, и стало ясно, что позже она станет еще крупнее. Мама говорила, что ничего страшного, наоборот, нужно гордиться своим ростом, некоторые модели даже ноги себе ломают и сращивают потом на специальных аппаратах, чтобы выиграть несколько сантиметров. Но Агату это не утешало. И не только потому, что по росту она могла подойти только двум-трем мальчикам в классе. Просто она не хотела быть как мать. У ее огромной матери было много мужчин. И все почему-то мелкие, тонкие, преданно заглядывавшие в глаза и суетившиеся вокруг, как крепостные перед барыней. Надолго они, как правило, не задерживались. Рано или поздно каждый чем-то выбешивал маму, и она, хлопнув кулаком по столу, громогласно объявляла ему:

– Вон пошел!

И мужчинка торопливо собирался, бегал по квартире с перекошенным лицом, впопыхах забывая трусы, чашки, бритвы, валившиеся из рук.

Агата не могла на это смотреть. Ей казалось, что и у нее непременно будет так – мелкие мужичонки, похожие на приблудных собачек, и ничего настоящего.

– Да нафиг он мне сдался, урод! – говорила мама, как только за вчерашним возлюбленным захлопывалась дверь. – Мужик зачем в доме нужен? Гвоздь прибить да мебель передвинуть? Я и сама кого хочешь передвину. Корми его еще, дармоеда.

Потом мама доставала фотографии отца, раскладывала на столе и подолгу вздыхала. Агата не помнила отца, он погиб, когда она была еще совсем маленькой, а потому никак не могла понять, что же было в нем такого, из-за чего мама до сих пор так и не смогла никого найти. Обычный такой мужчина, спокойный, улыбчивый. Такой же мелкий, как и все мамины следующие, также подобострастно смотревший на нее снизу вверх.

– Семь раз выгоняла, ни разу не ушел. Бывало, встану над ним, ору так, что самой страшно делается, а он стоит. Окаменеет весь, а с места не двигается. А как-то шкаф у него за спиной проломила. Все, думаю, укокошу ублюдка. Как вдарю, а дверца из фанеры, тонкая. Рука в шкаф провалилась, я сама чуть на него не грохнулась, задавила бы. А он стоит. Мелкий, на голову ниже, а не боится. Смотрит только так строго. Потом пойдет к себе, сядет в кресло и газету читает. А я к соседке – пореву у нее,

приду на кухню и думаю: ну чего это я дура такая? Чего это мне не живется спокойно? А он придет, встанет рядом, по голове меня погладит, ну я уже и растаяла. Ни разу на меня руку не поднял. Я ему говорю: «Ты хоть любишь меня? А то стоишь, молчишь, как столб каменный». А он говорит: «Ну и как ты себе это представляешь? Я ж тебя вполовину меньше, и буду я тут вокруг тебя бегать, орать и ножками топать. А тебе потом в постель со мной ложиться». И смеемся.

Агата не понимала, почему маме нужно обязательно орать и ругаться. Мама и сама не понимала, но поделать с собой ничего не могла.

– Ну, характер такой, горластый, – пожимала она плечами.

Сама Агата горластой не была, трусливой, впрочем, тоже. Она знала, что мама никогда ее не отлупит, а что кричит, так и ладно, пусть себе. Ну, раз характер.

Про себя Агата решила, что никого проверять не будет – выберет себе сразу по росту, и не придется тогда нервы трепать этими всякими «боится – не боится». Но по росту выбрать было трудно. Одноклассники приелись и казались какими-то скучными, как близкие родственники, а на районе высокие попадались редко. Подружки, уже давно целовавшиеся по лавкам и подъездам, понимающе кивали, встречая одиноко бредущую домой Агату. Мама, послушав про высоких, пожала плечами – трудно что ли, вон секция баскетбольная под боком, там все высокие.

На баскетболе и вправду оказалось замечательно. Правда, лучше всех играл почему-то самый мелкий парень по прозвищу Торпеда, но поклонники у Агаты сразу нашлись.

Ее вызвался провожать симпатичный Гена. Всю дорогу Гена выражал недовольство. Он был недоволен своим ростом, медленным прогрессом по точным дисциплинам, жестким расписанием в школе, усталостью после тренировок, низкой зарплатой родителей, папой. Это Агату особенно удивило: она не понимала, как можно быть недовольным папой? Он у тебя есть, по крайней мере. В следующий раз Гена рассказывал про команду. Больше всего он не любил Торпеду, считал его выскочкой и задирой. Он вообще мало кого любил. Уважал тренера, но и в его решениях находил всегда какие-то проколы и ошибки. Агате было интересно и лестно его слушать – выходило так, что если он ей это все рассказывает, значит, доверяет. Значит, она для него особенная. А потому, когда он впервые ее поцеловал, за углом спорткомплекса, по пути домой, она обрадовалась. Наконец-то и в ее жизни появился парень, который станет ее встречать после школы и ходить с ней на дискотеки. Но почему-то встречал он ее редко. Чаще просил, чтобы это она его встретила, и долго целовал на виду у своих одноклассников. Агата не понимала, почему это для него так важно – он же сам говорил, что они дураки и сволочи. Но особенное удовольствие Гене доставляло целовать Агату на глазах у Торпеды. Он заметил, что между ними промелькнуло что-то теплое и робкое, о чем и сказал Агате. Агата была удивлена. Торпеда ей правда нравился, но она и подумать не могла о том, что и она ему нравится тоже. Она ведь выше! Неужели он тоже хочет, как мамины эти, – болтаться за ней следом, преданно заглядывая в глаза, и ждать, пока она на него закричит? Это было стыдно, и Агата отводила глаза, как будто случайно узнала какую-то правду о Торпеде и теперь не хотела выдать ее даже ему самому.

Агата поделилась с мамой, но мама только рассмеялась – ерунда это. А что все у нее низкие, так это случайно получается. Но Агата знала, что не случайно, еще и Гена подтвердил.

– Терпеть не могу этих мелких. Рядом с ними сразу себя какой-то дылдой тупой чувствуешь. Копошатся чего-то там внизу, шустрят, деловые. А тебе за ними все равно не успеть, вот и стоишь, как дебил, пялишься.

После этого Агата уже окончательно и бесповоротно решила, что никого ниже себя она рядом не потерпит. Это было обидно, потому что выходило, что в жизни ее сразу обрубалась целая куча возможностей. Остальные девочки могли выбирать кого угодно, даже Торпеду, а Агата – нет. И по сравнению с ними, толстыми, страшными, угреватыми, ущербной все равно оказывалась она. Еще и ручищи.

Как-то перед Новым годом им с Торпедой оказалось по пути – он шел к какому-то другу, и всю дорогу рассказывал Агате о том, как мамка по глупости купила очень дорогой пылесос и несколько недель они с отцом пытались его вернуть. Рассказывая, он постоянно забегал вперед, чтобы заглянуть Агате в глаза. С одной стороны, история была очень смешная, и Агата хотела просто идти и смеяться, но по дороге попадались люди, и смотрели, как она вышагивает, а вокруг нее мелко шустрит Торпеда, еще и в глаза заглядывает. Агата очень боялась, что их кто-нибудь увидит. Так и произошло. Встретился им Гена, который так насмешливо посмотрел на Торпеду, что внутри у Агаты все сжалось. И самое неприятное было то, что сам Торпеда, казалось, ничего не заметил. Пожал Гене руку и распрощался у остановки.

– Как щенок вокруг тебя скакал, – усмехнулся Гена. – Надо было вас на телефон сфотать!

Агате стало совсем неприятно, и домой она теперь возвращалась дворами, чтобы Торпеда, не дай бог, снова из-за нее не опозорился. Но совсем избежать не удалось. Торпеда как-то нагнал ее и во дворе. Агата хотела сказать, чтобы он за ней не ходил, но идти рядом с Торпедой было так радостно и тепло, что все даже слегка затуманивалось, как будто ее команда выиграла на соревнованиях или по русскому она внезапно получила пятерку. Агата решила, что дойдет по дворам, пока никто не видит, и только у самой дороги соврет, что ей нужно к подружке. Распрощавшись с Торпедой, Агата свернула в первый попавшийся подъезд и замерла. За дверью ничего не было – дом давно собирались снести, и окрестные жители вынесли все, что смогли, – полы на растопку, стекла – и даже кирпичей наковыряли для новых построек. Агата спряталась за углом и подождала. Она надеялась, что Торпеда не заметил ее ошибки и уйдет, но когда она вышла из подъезда, Торпеда все еще стоял перед крыльцом.

– Как подружка поживает? Чаем-то хоть напоила? – хитро спросил он и расплылся в улыбке.

Агата рассмеялась тоже, хотя ей было больше неловко, чем весело.

– А Генка ревнивый что ли? – спросил Торпеда, когда они вышли на дорогу.

– Нет, почему? – удивилась Агата. Торпеда, похоже, и вправду ничего не понимал.

– А ты его прям любишь? – спросил Торпеда еще, и Агата даже остановилась от неожиданности.

– Не знаю, – честно ответила она.

До остановки шли молча.

С Геной после этого совсем разладилось. Агата понимала, что никакой любви между ними нет, и влюблена-то она, скорее всего, в Торпеду. И как было бы хорошо, если бы она вдруг смогла стать маленькой, даже ниже Торпеды, или если бы можно было ноги сломать, например, а потом так срастить, чтобы пониже. Или чтобы Торпеда подрос как-нибудь. Или Гена куда-то делся. Или Торпеда. Мысль об этом казалась такой невыносимой, что даже на тренировки ходить расхотелось. Мама, впрочем, отлынивать не позволила:

– Вот еще! Ноги в руки – и вперед! Из-за мужиков она секцию бросать собралась!

Ходить было мучительно. Агата изо всех сил старалась не смотреть на Торпеду, но он постоянно вел в игре, и потому не обращать на него внимания было невозможно. А когда она все же смотрела, ей становилось так радостно, что она то и дело пропускала мяч. Тренер сердился, а потом и вовсе предложил перейти в женскую сборную, он как раз после Нового года новый набор сделает.

На новогоднюю дискотеку в ДК Гена не пришел, у него в это же время была дискотека в школе, а чужих на нее не пускали. Агата так и просидела бы весь вечер в углу, но внезапно к ней подсел Торпеда. Он, перекрикивая шум, показывал ей фотографии спортсменов, удачные обводки и что-то еще веселое. Агата сидела рядом и боялась дышать. Тяжелое и удушливое напилось внутри тела и казалось, что если она пошевелится, то тело лопнет изнутри и произойдет что-то нехорошее. Торпеда случайно задевал её плечом и наваливался. Агата изо всех сил старалась не обращать внимания, но это было так приятно и волнительно, что она не могла. Торпеда, будто о чем-то догадавшись, замолчал и посмотрел на нее. Агата тоже посмотрела. Торпеда быстро поцеловал ее прямо в губы и улыбнулся. А Агата заплакала.

– А вдруг я на тебя кричать буду? – еле выдавила из себя Агата.

– Ну-ка крикни, – сказал он и встал над ней.

– Зачем? – не поняла Агата. – Не хочу я.

– Ну и все тогда, – ответил Торпеда и сел. И снова поцеловал.

Москва

Наталья МЕЛЁХИНА

Алиментщики

Рассказ

В октябре Витька привычно засобирался в тюрьму. Вернее, в колонию-поселение. Он был из тех, кого в газетах и по телевизору называют «злостные алиментщики». И правда: задолжал на сына и дочь изрядно.

«Картошку выкопал, клюкву продал, деньги у семьи есть, можно сдаваться на казенные харчи», – размышлял Витька, сидя утром на крыльце и покуривая самые дешёвые сигареты из сельмага, на другие у него денег не хватало.

Солнышко жарило по-летнему, ветер пересчитывал золотые монеты листьев на берёзе, а на осенней траве бриллиантово сверкала роса, не успевшая просохнуть с ночи. Витька щедро забирал в грудь свежий воздух вперемешку с табачным дымом. В этот момент он чувствовал себя богачом: сколько сокровищ рассыпано прямо на его родном огороде! От этого лишаться свободы, пусть и на несколько месяцев, не хотелось.

Да и осень была особенная! Время собирать плоды жизни. В этом году сыну Сане исполнилось девятнадцать лет. Он закончил сельскохозяйственный техникум и устроился к частнику-фермеру трактористом. Скоро парня должны были забрать в армию: в весенний призыв не попал, а осенний как раз начался. Дочь Нинка на высокие баллы сдала ЕГЭ, и к радости родителей поступила на бюджетное место в вуз учиться на ветеринара. Этим летом она трудилась у того же фермера скотницей. В ноябре Нинке как раз должно было стукнуть восемнадцать лет. Как старшему предстояло сидеть, а младшему – охранять.

Или вот – жена Тонька. Виктор попрежнему её любил, а в сыне и дочери – души не чаял, но жил, отделённый от своей семьи стеной двухквартирного барака. Такие построили в посёлке Цветково для колхозников ещё в советские годы. В одну квартиру, Тонькину, вход от дороги, во вторую, Витькину, от пруда. Тонькину половину они купили вместе еще в законном браке, а Витькина досталась ему уже после развода по наследству от умершего дядюшки-бобыля. Такая получилась несмешная шутка самой жизни: и развелись, да под одной крышей остались!

Развод у них был липовый: когда Витька пил, Тонька психанула и побежала в загс, а потом подала на алименты. Виктор её не только не осуждал, но и по-житейски трезво обосновывал: пьянки не всякая баба терпеть будет, а уж его – характерная Тонька! – и подавно! Да и ребятишек кормить надо. Как только он закодировался и выходился, они снова стали жить как муж с женой, но решили обратно не расписываться, а то Витькину квартиру могли теперь за долги продать, а так – единственное жильё у него получается, так что приставы не заберут, пусть детям достанется.

А огород бывшие супруги никогда не делили. По весне Витька пахал его на мотоблоке и для себя, и для Тоньки с детьми, обустраивал парники и теплицу. Вместе с сыном Саней летом помогал бывшей жене и дочери Нинке поливать: поносишь водички-то на капусту-водохлёбку, где уж тут бабам одним справиться! В свою очередь Тонька и Нина ухаживали за грядками, не разбирая где чья. Нинка у входа в отцову квартиру даже клумбы разбила с космеей, виолами и ноготками. Из урожая выдавали Витьке часть овощами, а часть – закрутками: солёными огурцами, маринованными помидорами, консервированными салатами.

– Капусту-то заквасили, дядь Вить? – поинтересовался Виталька, окинув взглядом недавно опустевшие соседские капустные гряды.

«Ишь заметил! Хозяйственный парень! Мне бы такого в зятья», – похвалил про себя Виктор, а вслух ответил:

– Позавчера ещё заквасили, весь день с бабами проколупался. Такая капуста в этом году ядрёная, у меня руки мять её устали. До того дожамкал – до сих пор болят. Да, кажись, лишку соли киданул.

– Солозобый ты, дядь Вить, – пошутил парень.

Он тоже задымил сигареткой, наслаждаясь солнечным осенним утром.

– Как там нынче у вас? Заказы-то на лесопилку есть? – деловито поинтересовался Виктор.

– Есть, дядь Вить. Видал, за Чернавой лес вырубают? К нам возят, так что работы на всю зиму будет полно, – успокоил Виталик. Вопрос соседа его нисколько не удивил. Деревенские алиментщики старались попасть в колонию в такое время, когда на лесопилку поступали большие заказы. Так быстрее отработаешь долг, ведь зарплата заключенных перечислялась в счет алиментов.

– А ты чё, к нам, что ли, собрался? А кто капусту-то без тебя есть будет? Саню в армию скоро заберут, Нинка в городе учится. Невесело тётке Тоне будет одной-то капустные щи хлебать.

– А что поделать-то, Виталька? Неохота к вам, конечно. Да долгов, как шелков, а всё одно заработать больше негде.

– К тёте Свете поедешь сдаваться? – Виталька и «осужденного Виктора Мохова» и «судебного пристава Светлану Петрову» называл так, как положено хорошо воспитанному деревенскому пацану – дядь Витя и тётя Света.

Светка когда-то была одноклассницей Виктора, но жизнь и между ними поставила баррикады: она, отличница, выучилась и теперь помогала законникам судить и рядить, а он, троечник, сначала стал трактористом в развалившемся ныне колхозе, потом – алкоголиком, от которого ушла жена, затем – кодированным безработным и, наконец, «злостным алиментщиком».

– Авось поможет, хорошая она баба. На автобус вот собираюсь идти, в райцентр ехать.

– Так и я в город еду: краски на забор купить надо. Выходной у меня сегодня, да и погода сухая, так покрасить хочу. Хочешь, дядь Вить, так поехали со мной. Через полчаса заходи ко мне, я кофейку только выпью. Чего тебе до автобуса-то хромать? Домчу в лучшем виде.

Виталик весело подмигнул и пошёл домой, ловко лавируя между грядками. «Черёдный был бы зять», – в очередной раз подумалось Виктору.

* * *

В здании судебных приставов у Светкиного кабинета собралась немалая очередь. В ней Виктор встретил односельчанина Серёгу, тоже безработного и «злостного алиментщика». Мужики зацепились языками – и пошли болтать! О клюкве, капусте, рыбалке, охоте – всё ждать веселей вдвоем-то! Время от времени мужики выходили покурить, опоздать к своей очереди они не боялись, потому что продвигалась вереница должников медленно.

Надолго «пропали» в Светкиной приёмной двое: мужик лет тридцати – холёный, в дорогом костюме и с модной сумкой, так что и не поймешь, не то портфель, не то дипломат. И бабёнка при нём – красивая, стройная, круглолицая, но сгорбленная какая-то, будто от непосильной работы. Парочка как ушла в кабинет Светки, так вот уже полчаса оттуда не выходила.

– Ну этих не дождаться! – посетовал Витька. – Точно, Серёга, мы с тобой и после обеда куковать тут будем. На автобус только к вечеру поспеем. Как представлю, что пять километров от остановки шкандыбать, так сразу ноги отваливаются. Пойдем хоть покурим.

На улице, подпаливая такую же дешёвую сигаретину, как у Витьки, Серёга полюбопытствовал:

– Мужик-то – бизнесмен, что ли? Видывал его здесь раньше?

– Не-а, в первый раз. Но кто это – знаю. Это Алексей Водоносов, который лесопилку в райцентре за рекой держит. Видал, «джипяру» у входа? Его тачка.

– Не тачка, а танк, – присвистнул Серёга.

Мужики продолжали курить на скамеечке, когда парочка вышла из здания. Впереди шагал «бизнесмен», за ним мелко семенила женщина.

– Алексей, я тебя умоляю! Ну ведь это твой ребёнок – твоя дочь! – не сдерживая ни голоса, ни слёз вскрикнула она. – Она-то ведь ни в чем не виновата! Нам ведь просто жить надо на что-то.

– Моя?! – развернулся «бизнесмен». – Откуда я знаю, что моя?! Ты нагуляла! Ни копейки от меня не получишь!

– Лёша, я тебя очень прошу… Ей три годика всего!

– И сцен мне тут посреди улицы не закатывай. Перед людьми стыдно. Домой сама дойдешь. Много чести потаскушку везти.

Демонстративно отвернувшись, «бизнесмен» шагнул к Серёге с Витькой, показывая женщине, что всякий разговор с ней окончен. Она сгорбилась ещё больше и быстро зашагала прочь – молодая, а уже как старушонка.

– Чего, мужики, видали, спектакль какой мне бывшая устроила? – присел «бизнесмен» рядом с Серёгой и Витькой. В пылу спора он всё ещё кипятился, и потому никак не получалось у него удержать язык за зубами. Может, в другое время и понизко ему было бы болтать с деревенщиной, но в этот момент ему ужасно хотелось получить одобрение сторонних зрителей и желательно мужского пола. – Мало я её лупил. Бабы – стервы! Только бы денег с нас вытянуть. Да, мужики? Ваши бабы с вас тоже, небось, тянут… Но ничего она от меня не получит! Ничего! Я все на мать свою переписал. Ни копейки не дам!

– А дочь-то, что, правда, не твоя? – поинтересовался Серёга. – Неужто нагуляла?

– Конечно, моя! – возмутился «бизнесмен» и вдруг как-то разом успокоился, и заговорил уже совсем другим, деловым тоном. – У меня и тест ДНК на отцовство есть, но ей я не сказал, конечно. Тайно сделал. Если б не моя, я б давно уже придушил эту потаскушку вместе с приплодом! Пусть-ка теперь поголодает стерва вместе с девкой. Баба – не человек. С детства их надо в черном теле держать.

Серёга с Виктором молча переглянулись, а «бизнесмен» пошарил по карманам:

– Вот дура! Из-за неё сигарет с утра забыл купить. Не угостите, мужики?

– У нас сигареты больно дешёвые. Ты такие не куришь, – ответил Виктор.

Оба с Серёгой, не сговариваясь, разом встали и ушли, оставив «бизнесмена» недоумевать и чертыхаться на скамейке.

В очереди Виктор сидел строгий и прямой, как царь на троне, даже про грыжу позвоночника забыл. Он все еще не мог разжать кулаки.

– Да, брось ты, Витька! Уроды везде встречаются, – попытался успокоить его Серёга, а потом вдруг и сам разозлился: – Хотя тоже по харе-то втащить ему хотелось.

– Руки марать неохота, – заметил Виктор.

– А накостыляешь такому – по судам потом затаскает. Они – не мы. В законах все ходы да выходы знают.

– Все равно, Серега, ну вот ты да я: нам хоть бы какую работу, чтоб ребятишек на ноги поднять! Да если б я мог заработать, стал бы я сюда таскаться? В тюрьму проситься? А у этого – деньжищ! На джипе рассекает, а родной дочери голодать пожелал! Ну как так-то?

– Не знаю… Мать у меня говорит: Бог не Тимошка, всех видит немножко.

Тут подошла очередь Виктора идти в Светкин кабинет. Сажать Витьку в тюрьму пыталась втолковать Виктору юридические тонкости так же усердно, как в школе когда-то помогала ему с «домашкой» по математике, да толку как тогда, так и сейчас – никакого!

– Что ты заладила-то, как Тонька? Та тоже нудит: заработаешь да заработаешь! Где я дома-то заработаю? Ни на ферму, ни в лес не берут меня – грыжа позвоночника. Сходил вон в июне на биржу, там отвечают: «Вам, мол, лёгкий труд показан». И точно «показан»: мне его по телеку только и показывали.

– Ну а я что сделаю? Договаривайся с Тонькой. Ищи работу.

– Ну ты ж пристав! Подай в суд-то на меня, как в тот раз.

– Не подам! Тонька меня прибьёт. Надо вам очень, так пусть она на тебя иск оформляет. Имеет право.

– Да не напишет она! Бабы вы дуры! Света, ну посади ты хоть на полгода, а я там за сезон много долга отработаю. Там на лесопилку чернавский лес привезли, Виталька сказал. Ну, придумай уж чего-нибудь, Света, ты ж умная, а я-то все равно в этих законах ни панталыку не смыслю. Помоги, ради Христа!

На этих словах дверь в кабинет распахнулась и в проеме появилась разгневанная и прекрасная Антонина. Была она росту высокого, сама – дородная, на лицо приятная. Руки в бока упёрла, головой – под дверную матицу! Витька все споры и долги враз забыл – залюбовался женой. Из-за материнской спины выглядывал суровый Саня – круглолицый, как мать, и вихрастый, как отец.

– Здравствуйте, Светлана Владимировна! – важно поздоровалась Антонина с приставом и тут же напустилась на Витьку. – Ты куда убежал? Сказала я ведь тебе: не езди никуда! А он с Виталькой в город смотался! Хорошо хоть встретила я его: забор красит, отвез, говорит, дядю Витю в тюрьму записываться! Какая нам в этом году тюрьма – сдурел? Света, ты хоть его никуда не записывай!

– Да куда я его запишу-то?! – всплеснула руками Светлана. – В зэки-добровольцы? Так ведь не делается, ну хоть немного-то вы законы почитайте! Сначала сами подадут на алименты, потом мужика им жалко!

– Так свой мужик-то! Не ворованный! – резко парировала Тонька.

Тут подал голос и Саня, смущенно, но горячо выговаривая:

– Батя, ну в самом деле! У меня отвальная, у Нинки – днюшка. Чего мы, как сироты, будем – без бати за праздничным столом. Всех парней отцы в армию провожают, а мой так в тюрьме будет сидеть? А потом? Я – в армию, Нинка – в городе учится. А с кем мать-то останется? А дров зимой кто ей заготовит? И ведь, сам знаешь, поросят летом купили. Кто зерна на посыпку намелет? У мамки ноги не ходят, у тебя пояснице – кердык! Вам друг без друга поросят не вырастить. И вот!

Он шагнул к Светлане и выложил на её стол пачки потрёпанных купюр, перетянутых бухгалтерскими резинками:

– Тёть Свет, это мы с Нинкой за лето на папкины алименты тут накопили, сколько могли, чтоб в тюрьму больше не садился. Не молодой уж батя по колониям скакать. В августе так спину у него скрючило, что скорую вызывали. Какой из него сиделец! Как их вернуть-то? В уплату долга? Вы объясните.

Виктор и Тонька онемели и переглянулись.

– Ну дети-то поумнее вас будут, – вздохнула Светлана и принялась пересчитывать купюры…

Из кабинета вслед за сыном бывшие муж и жена вышли сильно раскрасневшимися.

– Вы, как из бани, – пошутил Серёга, встретив семейство в коридоре.

– Прикинь, Серёга, меня дети из тюряги выкупили! На отвальной погуляю! – сообщил Виктор и на радостях вдруг крепко обнял собрата по несчастью.

– Вот и мне повезло! – Серёга похлопал Витьку по спине. – Одним конкурентом меньше! Теперь Светка меня-то точно в тюрьму пристроит!

Вологда